

Е. В. Комлева, г. Дортмунд (Германия)

ПРАВОСЛАВИЕ, ФЕНОМЕН ЯДЕРНОЙ ЭНЕРГИИ И НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Нельзя сказать, что гуманитарные науки, философия, теология, литература и искусство XX-XXI веков оставили амбивалентный феномен ядерной энергии без внимания. Но этого внимания явно мало. И, пожалуй, недостает примеров, индивидуальных и коллективных, “высшей пробы” по таланту “исполнителей”. Нет достойной методологической базы для полноты смотра, толкования и формирования антропосоциоядерных смыслов. Такая база (в том числе, научная) может быть создана через фундаментальные аналоги, которые необходимо выбрать. При этом, например, в системе высокого уровня “человек и его научно-технические творения” необходим уже более внимательный взгляд на самого человека. Особенно при использовании ядерной энергии, чтобы смягчать последствия абсолютно “внутренне присущей” потенциальной опасности и неизбежных повторений аварий. Полезно социокультурное соосмысление феноменов ядерной энергии и религии. Прежде всего, подход от постулатов и богословских достижений христианства и православия. Обозначим лишь предпосылки и контуры такого подхода. Мы не будем затрагивать вопросы веры в Бога. Это личное дело каждого. Мы не будем представляться сторонниками исключительно обрядово-потребительской, начетнической, ханжеской, напыщенно-демонстрационной, поверхностной религиозности как признак деградации захлестнувшей Россию. Мы не будем призывать к молитвам “за” или “против” в контексте проблемного поля ядерной энергии. Будем все же направляемы этим аналогом, но лишь глубинной спецификой методологии православия и, в контексте сопряжения феноменов, основными вопросами “зачем?”, “почему?” и “как?” Плодотворно побуждающая к добру методология православия — факт.

Особое значение предлагаемый подход имеет для российского Севера и Сибири. Известно, что именно в Сибири расположены уникальные российские (и крупнейшие мировые) ядерные предприятия военно-промышленного комплекса: Сибирский химический комбинат (рядом с Томском) и Красноярский горно-химический комбинат. Именно этим комбинатам мир обязан тем, что не было третьей мировой войны — ядерной. Эти комбинаты (да еще ПО “Маяк” на Урале) материально обеспечили ядерное сдерживание (свод международных норм и правил реальной непростой жизни). Сдерживание, пользу которого в тех конкретных исторических условиях теперь оспаривают лишь политиканствующие краснобаи, но не серьезные историки. В одном из первых документов, подписанных И. Сталиным в рамках развертывания Атомного проекта СССР, в Томске, на базе Томского политехнического института, было предписано готовить кадры для ядерной отрасли всей страны. Учитывая позитивный экономический потенциал ядерных невоенных технологий, ныне ядерное сдерживание/спасение применительно к широкому спектру вызовов приобретает расширенное толкование.

Но Север и Сибирь и пострадали немало в “первый ядерный век”. Тобол, Иртыш, Обь, Енисей — все эти реки получили отпечаток ядерной индустрии. Для изучения и этих последствий (в перспективе, в кооперации с ядерными научно-производственными центрами, расположенными в верховьях гидросети) создано структурное подразделение РАН в Тобольске. Норильск и нефтегаз шельфа Карского моря (и восточнее) не могут работать без атомных ледоколов. Безопасность страны не мыслится без ядерной инфраструктуры Севера. Подземные ядерные взрывы производили в некоторых северных районах. Есть еще много подобных фактов. Это все история. А как дальше быть с наличием и дальнейшим развитием ядерной индустрии и военных объектов Сибири и Севера? Раньше никто никого об этом не спрашивал. Строили — и все. Так надо было. Теперь, в новых условиях и с учетом прожитого, возможно

и нужно принимать решения (и при необходимости оформлять их юридически) иначе. И еще: давным-давно судьба показала Сибирь Ф. Достоевскому, без обращения к которому антропо-социальную ядерную тематику не осилить.

У ядерного и религиозного феноменов много общего в базисе и пограничных темах. Ядерной энергии (равно как космологическим и геологическим процессам) присущи элементы вечности по сравнению с жизнью человечества, а также прямой “вклад” в реальность его существования. Что в сфере социальных явлений имеет хоть как-то схожие параметры времени и значимость для осмысления генезиса человека и проявления людей как цивилизации? Конечно же, прежде всего, религия, а также ее мировоззренческая составляющая. Христианство и православие ориентируют человека и общество на вечность, рассматривают ключевые, земные, проблемы в таком ракурсе. С позиций динамичной вечности, немаловажным элементом которой представляется процесс спасения/исцеления/очищения/совершенствования человека “как бы из огня”. Они дают идеалы и нормы, иногда парадоксальные, земной (внешней и внутренней) жизни людей — добра и зла, чтобы иметь достойную перспективу будущего для популяции. Вне концепции *вечного человека и вечного человечества* социально-экономические проблемы современности и будущего неразрешимы. Большинство же людей стремятся лишь обеспечить “здесь и сейчас” достаток себе и близким. “После нас — хоть потоп”, — это за рамками православия.

Человек принадлежит двум мирам — материальному и духовному. С одной стороны, мы — дети энергии и вещества звезд. Мы состоим из молекул, атомов и атомных ядер, то есть ядерная энергия не только вне, но и внутри нас. В прямом и переносном смыслах. С другой, — «Бог — Отче наш». Уже начало материального мира и биологической жизни, как известно, трактуют именно эти две концепции. Недавно найденный (величайшее научное открытие последних пятидесяти лет) бозон Хиггса самими физиками назван “частицей Бога”. От них же и “Троица” — название первого в мире испытания технологии ядерного оружия.

Страны христианской культуры первыми освоили ядерную энергию. Западные христианские философы и теологи первыми в ядерном мире обозначили проблемы нового уровня касательно сути и будущего, как христианства, так и человечества в целом [Jaspers 1958: 2]. Причем при поиске источников информации по антропосоциоядерной тематике обращает на себя внимание одна особенность. В этических, политологических, исторических, теологических, экологических и публикациях других жанров выделить доминирующую национальность авторов сложно. При многоплановом же философском осмыслении ядерного феномена, на наш взгляд, более представлены исследователи немецкоязычного генезиса, напрямую или косвенно связанные с немецкой культурой. Это собственно философы К. Ясперс, М. Хайдеггер, Г. Пихт, Э. Фромм, В. Хесле, К.-О. Apel, G. Ropohl, D. Henrich, а также физики-философы А. Эйнштейн, М. Борн, В. Гейзенберг, К.Ф. Вайцеккер, Р. Оппенгеймер и другие. В некоторой степени получается, что теперь слово за светскими и религиозными интеллектуалами стран восточно-христианской культуры, а также — культуры Востока в целом.

Согласно христианству и православию, мир устроен так, что есть рай и ад. Человечество должно выбирать между ними. С полным осознанием и того, и другого. Ядерная энергия деяниями людей может на Земле обеспечить либо одно, либо другое. Познание ядерной энергии (в антропосоциальном контексте) и ее использование имеют обнадеживающий смысл только в единстве с глубоким пониманием (как основы действий в ядерной сфере и их правовой регламентации) сути человека и общества.

Православие приводит к мысли, что наше нынешнее (и атеистов, и верующих), так называемое нормальное, состояние глубоко ненормально по существу. Потенциал человека велик, но нельзя, чтобы человек “неочищенный” проявлял себя в полной силе. Богоподобная природа человека с огромным потенциалом глубоко повреждена. Как следствие, социальное, политическое и научно-техническое развитие человечества вопреки первоначальным благим,

казалось бы, намерениям привело к возможности краха земной цивилизации. В глобальном плане необходимо очеловечить человечество, победить внутреннее зло в человеке, чтобы не случались все новые и “совершенные” “Содомы” и “Гоморры”. Причем апологеты православия (например, профессор-богослов А. Осипов) доказывают это вполне светски, научно, логично, исторично, на фактах [Осипов].

Добавим, что далеко не все ладно с чистотой души и действиями и у российских профессионалов и менеджеров ядерного дела. А также укажем на немалое количество прямых и тяжких нарушений ими морально-нравственных норм и государственного законодательства (см., например, дискуссии и опросы на сайте агентства *ПРОАтом*). Впрочем, о неадекватности людей и общества ядерной энергии говорили еще А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер, Ю. Харитон, А. Сахаров, С. Фейнберг и другие известные физики.

Богатейший опыт религии как особого рода мировоззрения и устойчивого социального явления никак нельзя не использовать. При тщательности и корректности обращение к этому феномену возможно без ущерба для религиозных канонов и без нареканий со стороны светских философов, гуманистов в целом по роду занятий и гуманистов по духу. Потому что христианство, в изначальном смысле, если не считать его Откровением, — это тогда все равно некая чья-то гениальная “задумка”, пример пути, который может обеспечить позитивное изменение гибнущего мира через изменение человека. Иной возможный путь для ядерного человечества — емкий, лаконичный и убийственный образ предначертанной гибели цивилизации — связан с доминирующей ныне ментальностью людей (миниатюра А. Азимова “Они не прилетят”).

Православие исторически является культурным фундаментом России. Оно естественным образом сопряжено со всеми гранями бытия страны. Апологеты православия “идут в народ” научно-технической сферы. Ныне Русская Православная Церковь (РПЦ) активна не только в сфере традиционных печатных и электронных каналов информации, но и в Интернет.

Патриарх Московский и всея Руси Алексей II писал: “Без упования на Господа... невозможен подлинный успех в области ядерной энергии” [Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам слушаний “Ядерные вооружения и национальная безопасность России”]. Наука и религия методологически во многом не являются абсолютными антагонистами. В глобальной проблеме возможности познания мироздания (в познании микромира и мегамира особенно) их взгляды сходятся — адекватно познать нельзя. Наука и религия не только не антагонистичны, но и морально-нравственно начинают сближаться.

Протоиерей Д. Кирьянов отмечает: “С момента возникновения во второй половине XX века междисциплинарной области исследований «наука и религия» сформировалось множество концептуальных подходов... соотношения науки и религии”. Рассматривалась даже “программа «критического реализма» как моста между наукой и религией”, а также — методологические параллели [Кирьянов 2011]. Достаточно известно к тому же, что христианство методологически взаимодействовало и взаимодействует с различными нехристианскими культурами.

Различные религии уже высказывались по поводу ядерного оружия [Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives 2004]. Адекватная религиозная оценка “мирного атома”, видимо, впереди. Обращение к достижениям мыслителей религиозной философии, практическому опыту Церквей и религиозных средств массовой информации может дать многое. РПЦ, например, считает, что “внедрение” незыблемых духовных ценностей в научно-техническое творчество далеко выходит за национально-государственные рамки, непосредственно относясь к поискам оснований для строительства общечеловеческой цивилизации в новом тысячелетии [Доклад Патриарха Алексия II на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ 2000].

Всемирный Русский Народный Собор (ВРНС) провел в Сарове слушания “Ядерные вооружения и национальная безопасность России” и “Проблемы взаимодействия Русской Православной Церкви и ведущих научных центров России”. Митрополит (в то время) Кирилл на упомянутых слушаниях “Ядерные вооружения и ...” с предупреждением процитировал св. ап.

Павла: “Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба” (1Фес, 5, 3). Эта мысль в первоисточнике дается в контексте темы Мессии, спасения человека, Суда Божьего, эсхатологических представлений, постоянного духовно-нравственного бодрствования и работы для людей.

Знаковым событием в процессе сближения подходов естественных наук и религии к познанию мира явилось присвоение в 2010 г. Патриарху Кириллу степени почетного доктора НИЯУ МИФИ, а в 2012 г. — МГУ. Во время работы XVI ВРНС (2012 г.) вновь неоднократно вспоминали мысль: “Православию есть что сказать миру”. В 2012 г. в МИФИ (как и в Уральском горном университете) открыта кафедра теологии. Ее заведующим стал глава Отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион (почетный профессор УрГТУ). А кафедру в Уральском горном университете возглавил митрополит Екатеринбургский и Верхотурский Кирилл (см., например, поиск на сайте “Православие и мир” по признаку “МИФИ”). В январе 2013 г. на физическом факультете МГУ состоялась конференция “Христианство и наука”. В давние времена заложен православный фундамент в традиции технического образования России и Санкт-Петербургского горного университета. Шахтеры Украины при формулировании принципов дальнейшего развития отрасли и в реальной практике обращаются к религиозным ценностям в сочетании с учетом современных социально-экономических и технологических тенденций [Литвинский 2012].

На примере Сарова, его многогранного служения Отечеству, многими раскрывается суть органичного сближения РПЦ и Минатома, предопределенного уникальным значением Церкви и ядерной сферы в контексте защиты, спасения России в прошлом, настоящем и будущем. С другой стороны, “Физики без священников — современные папуасы”, — так резковато оценивает ситуацию относительно ядерного центра в Сарове православный журнал “Фома” [Физики без священников — современные папуасы 2003].

Профессор-богослов А. Осипов в 1991-99 гг. был сопредседателем резонансной ежегодной Международной Конференции “Наука. Философия. Религия” в Объединённом институте ядерных исследований. Он более двадцати лет успешно читал лекции и дискутировал в аудитории физиков-ядерщиков, напоминая об ответственности ученых, в 2011г. получил в Дубне почетную награду ОИЯИ за выдающиеся достижения в богословии и многолетнее сотрудничество с этим институтом. Он же при толковании догмата Святой Троицы как удачные аналогии неоднократно использует концепты “человек” и “атом” [Осипов].

Назовем лишь некоторые ракурсы возможного методологического сопряжения феноменов: космизм/вселенность; “Бог есть любовь”; “страх любви”: страх от любви к другому и за него; Троица; единение с человеком; всечеловечность (“и иудей, и эллин...”); видение человеком и обществом собственных пороков и недостатков; спасение человечества от человечества; “дух творит себе форму”; “по делам и мыслям нашим...”; проблема войны и мира; вера в свое дело, идейная твердость, святоотеческие традиции; научно-техническое творчество без самовознесения, самообожения; правильная вера — правильная жизнь.

Мы не имеем достаточных знаний и других оснований для того, чтобы предлагать соотношение православных канонов и внутренней научно-технической специфики ядерной сферы с коррекцией устоявшихся на сегодня форм/признаков этой специфики. Подобно тому соотношению и коррекции, на которые решился В. Жиров в работе [Жиров 2008] применительно к проблемам структурирования живой материи. Но сотрудничество, взаимодействие РПЦ и светского общества по “принципу дополнительности” в оценке, “наречении имен” и реализации внешних ядерных достижений, по нашему мнению, необходимо и полезно. Как во благо стремление сотрудничать, терпеливое взаимодействие религии и науки с целью кропотливой, толерантной актуализации/идентификации социального статуса/значения научных результатов и рационального природопользования, а также экологическая роль современных монастырей [Жиров 2008].

Современные особенности ситуации подсказывают и первоочередные практические задачи, при решении которых предлагаемый подход мог бы быть реализован. С. Кириенко в июне 2011г. сообщил (Госсовет по модернизации при Д. Медведеве), что Росатом внедряет идеологию прогноза и мониторинга условий существования АЭС по всему жизненному циклу (более ста лет), включая стадию снятия станций с эксплуатации (демонтажа) после длительной выдержки. Будет справедливо, если в чем-то аналогичную идеологию применят к объектам хранения/захоронения ядерных материалов (тысячи/миллионы лет). В таких случаях без ориентации на *вечное человечество*, без наук и практических знаний о Земле не обойтись.

В России есть два ядерно-религиозных центра. Центры территориального совмещения ядерных и религиозных функций — Саров и Сергиев Посад. Высказано предположение о третьем [Комлева 2011]. А четвертому (Санкт-Петербургу) в этом качестве лучше бы и не бывать. Рассматривая в связи с ядерной энергией различные социальные институты, за рубежом предложили для гарантии надлежащего общественного внимания к долгой судьбе радиоактивных отходов создать “ядерное высшее пасторство” [Weinberg 1972; Hocke, Grunwald 2006]. Думается, что в инициативно российском варианте в рамках многогранной концепции SAMPO [Комлева 2008, 2012] нечто подобное “ядерному пасторству” возможно. Оно могло бы быть связано, прежде всего, с системой приграничных сочетаний. С не исключительно общественной, но государственной, религиозной и горного дела (разумеется, в пределах компетенций каждой из сторон) скрепой лежащей между ними территории. В конечном счете — страны в целом. А именно:

1) подземное международное ядерное хранилище в пределах Печенежской геологической структуры плюс Трифонов Печенежский мужской монастырь Мурманской и Мончегорской епархии;

2) аналогичный объект в Краснокаменске плюс молодое Краснокаменское благочиние Читинской и Краснокаменской епархии.

Причем многое применительно к этому варианту (при суммарной стоимости только обоснования и строительства не менее 200 миллиардов долларов) будет зависеть от профессионализма и духовно-нравственных качеств российских геологов, геофизиков, горняков и ядерщиков, от успешности комплексного светского сопровождения и окормления проекта со стороны РПЦ в партнерстве с другими религиозными институтами. Такие же уровни затрат в сотни миллиардов долларов в каждом отдельном случае уже реально осуществлены или запланированы на ликвидацию эколого-экономических последствий катастроф на Чернобыльской и Фукусимской АЭС, рекультивацию территорий военных радиохимических производств периода противостояния СССР и США, утилизацию АЭС, АПЛ и ядерных боеприпасов.

Осмысление ядерного феномена и укоренение в социуме ядерного *техно* в значимых для цивилизации, легитимных и безопасных масштабах, как и религии (по крайней мере — христианства), глобально должно иметь цель не погубить человека, а спасти его. Ядерный пример, экзаменованный в координатах канонов православия и в контексте социоядерного антропного принципа и социокультурной парадигмы, послужит формированию гуманистической социоядерной ментальности, индивидуальной и государственной. Созданию цивилизованных мировоззренческих и социально-гуманитарных оснований, правовых норм мудрого развития других амбивалентных относительно всего человечества наук и технологий, число которых впрямь будет лишь множиться.

Литература

1. Доклад Патриарха Алексия II на Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ. 2000.
2. Жиров В.К. Человек и биологическое разнообразие: православный взгляд на проблему взаимоотношений // Вестник МГТУ. 2008. Том 11. № 4. С. 609-626.

3. Кирьянов Д.В. Наука и религия: многообразие методологических подходов // Труды Тобольской Духовной семинарии. Выпуск 2. Тобольск: Тобольская Духовная семинария, 2011. С. 117-134.
4. Комлева Е.В. Рефлексия ядерно-нефтегазовой ситуации Севера Европы: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геофизический журнал. Киев, 2008. Т.30. №2. С. 3-31.
5. Комлева Е.В. Антропосоциоядерный феномен // Век глобализации. 2011. №2. С. 140-149.
6. Комлева Е.В. Геологические, экологические и политические аспекты хранения и захоронения ядерных материалов // Геофизический журнал. Киев. 2012. Том 34. №6.
7. Литвинский Г.Г. Священные заповеди горняка // Форум гірників-2012: матеріали міжнар. конф. Донецк, 2012. Т.1. С. 7-16.
8. Осипов А.И. Аудио-лекции. Режим доступа: http://www.aosipov.ru/audio/audio_obshchii_spisok_leksij.html.
9. Приветствие Патриарха Московского и всея Руси Алексия II участникам слушаний «Ядерные вооружения и национальная безопасность России». Режим доступа: <http://pravsa.gov.nne.ru/content/publication/461/552/486/518.html>.
10. Физики без священников — современные папуасы. Беседа с сотрудниками Российского федерального ядерного центра, г. Саров // Фома. Православный журнал для сомневающих. 2003. №2.
11. Ethics and weapons of mass destruction: religious and secular perspectives / edited by S.H. Hashmi and S.P. Lee. Cambridge, 2004. 533 p.
12. Garrison J. The Darkness of God: Theology after Hiroshima. London: SCM Press, 1982, 238 p.
13. Hocke, P., Grunwald, A. Wohin mit dem radioaktiven Abfall? Perspektiven für eine sozialwissenschaftliche Endlagerforschung. Berlin, 2006: Sigma, 157 s.
14. Jaspers K. Die Atombombe und die Zukunft des Menschen: politisches Bewusstsein in unserer Zeit. Munchen, 1958, 506 s.
15. Weinberg A. Social Institutions and Nuclear Energy. In: Science 177 (1972), S. 27-34.

*Ю. М. Конев, А. Ю. Конев (г. Тюмень),
Д. В. Кирьянов (г. Тобольск)*

МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ ГРАМОТНОСТИ СРЕДИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

До начала XIX в. инициатором распространения грамотности среди «ясашных иноверцев» и главным действующим субъектом этого процесса выступала Русская Православная Церковь. Митрополит Филофей Лещинский еще в 1706 г. просил в своей челобитной Петра I указать, что бы у обращающихся к христианской вере взять «робяток десятков и другой» и «учить их Божественнаго писания» [Буцинский 1893: 53-54]. Получив монаршее одобрение и поддержку со стороны первого Сибирского губернатора М.П. Гагарина, Филофей, вторич-